

Глава 13: Генерал Тан попадает в засаду мечников; управляющий Линь снова встречается своего благодетеля

—

Итак, Линь Лан получил порцию вина в лицо, что стало, пожалуй, величайшим позором в его жизни. Он зажмурился от жжения и уже готов был разразиться бранью.

Разнообразные оскорбительные слова, заряженные мощной энергией, уже натянули тетиву в его горле, готовые вырваться, но тут подбежавший сзади Тан Юйшу заткнул ему рот рукавом, мгновенно превратив кучу ругательств в бессвязное бормотание.

Бессильная ярость, загнанная обратно в живот, разгоралась все сильнее, и сейчас Линь Лан был похож на петарду с догоревшим фитилем, готовую взорваться в любой момент. Когда Тан Юйшу рукавом вытер с его лица едкое вино, Линь Лан открыл глаза и в одно мгновение, при свете фонарей во дворе, увидел сверкающие клинки.

Только тогда Линь Лан понял, зачем Тан Юйшу остановил его вспышку.

Петарда намокла, и ее сила мгновенно испарилась.

Ночной ветерок, пролетающий под карнизом, охлаждал холодный пот, выступивший на спине, Линь Лан не смел даже дышать.

Тан Юйшу, стоявший перед ним, заговорил:

— Что вы делаете?

Взгляд Линь Лана перескочил через плечо Тан Юйшу и упал на гостя с мясистым лицом и его спутников. Линь Лан предположил, что у того, должно быть, есть какое-то влияние, а те, кто с ним, похоже, были его личными головорезами.

Тот пузатый гость усмехнулся и спросил юношу, внезапно выступившего вперед:

— Ты хозяин?

— Да, — Тан Юйшу ничуть не испугался, он действительно прошел через войну.

— Откуда ты нанял такого слугу — выбросил мой перстень в помойное ведро.

— Он тоже хозяин! — Тан Юйшу прояснил статус Линь Лана, затем продолжил: — Найдем и вернем, зачем же ты его облил?

Тот гость приподнял бровь:

— О? Два хозяина?

— Да. Я готовлю хого, он... ведет учет!

Гость, казалось, услышал какую-то шутку:

— Ведет учет? Нанять бы бухгалтера, зачем отдавать ему половину заведения? Очевидно, хозяин должен быть ты! Тебе следует знать: в Цзяннани мало кто умеет готовить хого.

— ...Какое тебе дело! — Тан Юйшу не обратил внимания на слова гостя, думая только о том, как быстрее решить дело и проводить гостей: — Перстень еще нужен?

— Нужен, — гость кивнул, поднял подбородок и перевел взгляд с лица Тан Юйшу на лицо Линь Лана за ним: — Хочу, чтобы он — лично достал его из помойного ведра.

Тан Юйшу обернулся посмотреть на Линь Лана и увидел, что тот уже испуган до потери сознания, но все еще сохранял невозмутимость.

Отлично зная характер Линь Лана, он понимал: заставить его, как официанта, обслуживать гостей и так было очень трудно. После того, как ему выплеснули вино в лицо, а теперь этот гость намеренно унижает Линь Лана, тот, гордый и упрямый, вероятно, скорее выберет смерть, чем подчинится.

Тан Юйшу повернулся обратно и, глядя в лицо гостю, сказал:

— Я это сделаю.

— Ты? — тот гость фыркнул.

Один из головорезов рядом шагнул вперед, помахал ножом перед лицом Тан Юйшу и презрительно похлопал его по щеке:

— Наш начальник сказал, чтобы он доставал, значит, он и достанет, еще слово...

Не успев договорить, он увидел, как Тан Юйшу одной рукой схватил его за руку, с силой повернул запястье, ногой тяжело ударил в колено (ого, сынок, молодец, сэкономил папе реплики злодея). Тот отшатнулся на несколько шагов, нож упал к ногам Тан Юйшу, но тот отшвырнул его обратно, показывая, что не хочет отбирать оружие и драться.

Затем поднял голову и снова посмотрел в лицо гостю:

— Я сказал: я.

Гость, увидев эту сцену, рассмеялся и махнул рукой, велел головорезам опустить ножи:

— Хорошо, тогда ты.

Тан Юйшу, увидев, что противник снял враждебность, наконец выдохнул с облегчением.

Подбежав к помойному ведру, он присел, закатал рукава и долго шарил внутри, пока не нашел перстень, помыл его в колодце и вернул гостю:

— Возвращаю, теперь мы в расчете.

Гость взял перстень, надел его на палец, достал из-за пазухи серебряный слиток стоимостью двадцать лян и стукнул им по столу:

— Тебе на чай.

— Спасибо.

— Пойдем со мной — я дам тебе тысячу, десять тысяч лян на открытие заведения. Заработаешь — разделим 30 на 70 — мне 30, тебе 70, пойдет?

— Нет, — Тан Юйшу отказался решительно.

— Мне 20, тебе 80?

— Нет, — Тан Юйшу все равно не дрогнул. — Он намного богаче тебя — его семья одна из самых богатых в Цзиньлине!

— О? — гость усмехнулся. — Одна из самых богатых в Цзиньлине, а открывает заведение здесь?

— Мы... начинаем с малого, чтобы вовремя остановить убытки! — подражая обычной манере речи Линь Лана, Тан Юйшу выскреб из живота эти несколько слов.

— Проницательно, — гость кивнул. — Видно, у этого хозяина большие амбиции.

— Конечно, он еще и по Шелковому пути ходил! — Тан Юйшу, словно хвастаясь собой, невольно выпрямил грудь.

— Ладно. Я лишь советую тебе в последний раз подумать, — гость поправил воротник. — Слышал о «волке и барсуке»? Волк — это волк, ему подобает смотреть свысока на весь мир, зачем таскать на себе обузу?

[*«Волк и барсук» (狼和熊) — идиома, означающая сговор негодяев.]

Тан Юйшу не понял идиому, лишь смутно почувствовал, что тот ругает Линь Лана, и закачал головой, как погремушка:

— Нет, нет! Если все — уходите. За сегодняшнее извиняемся, больше не связываемся!

— Хорошо, верный, — взгляд гостя перескочил через плечо Тан Юйшу и упал на Линь Лана. — И довольно способный.

Сказав это, он развернулся и ушел.

Наконец проводив эту компанию, Тан Юйшу запер дверь на засов и проверил несколько раз, бормоча «неизвестно, бандиты ли эти люди», и направился к месту, где стоял Линь Лан.

Но тот, словно рассердившись, повернулся и, хлопая дверьми, вернулся в свою комнату.

Подумав, что он просто расстроен из-за унижения, простодушный Тан Юйшу не придал этому значения.

Увидев, как Линь Лан заперся в комнате, Тан Юйшу вернулся на кухню, чтобы закончить оставшуюся посуду, и только к часу Чоу (01:00 – 03:00) покончил со всеми мелочами, затем, зевая, пошел в свой флигель спать.

На следующее утро его разбудил шум во дворе.

Встав с постели, Тан Юйшу потер глаза, приоткрыл окно и выглянул: Линь Лан в одиночку неуклюже пытался толкать деревянную тачку, видимо, собираясь выйти за продуктами на сегодня.

«Почему он не пришел меня разбудить?» — подумал Тан Юйшу. — «Как он, с его хрупким телосложением, может выполнять такую тяжелую работу?»

Эту деревянную тачку они купили за пятьдесят вэней на западном рынке за несколько дней до открытия «Тронуть алые губы» — когда покупали, ручка была наполовину сломана, ось тоже была с дефектом. Тан Юйшу вымыл ее, поколотил молотком, и теперь, когда они утром идут за продуктами, это значительно облегчает им жизнь.

Натягивая одежду наспех, Тан Юйшу вдруг покраснел: «Может, он думает, что я слишком занят, и хочет дать мне поспать подольше?»

Вообразив, что о нем заботятся, он, переполненный теплыми чувствами, с радостным лицом вышел во двор. Завязывая головную повязку, он подошел:

— Давай я! У тебя же тонкие ручки-ножки...

Не успел договорить, как получил холодный взгляд Линь Лана и холодное «Я сам!».

Такая холодная реакция действительно погасила неожиданно возникшее в сердце Тан Юйшу тепло, заставив его вздрогнуть.

Линь Лан опустил голову, борясь с неподвижной тачкой.

Хотя Тан Юйшу не знал, чем он провинился перед Линь Ланем, но в данный момент «без колебаний помочь Линь Ланю» должно быть правильным решением; потому он быстро протянул руку, чтобы взять ручку.

Но еще не успев коснуться тачки, получил от Линь Лана шлепок.

На смуглой руке появилось пять еще более темных отпечатков.

Подняв голову, он увидел — Линь Лан, собрав все силы, его бледное лицо теперь пылало румянцем, в горле раздавались приглушенные звуки, зубы были стиснуты, казалось, он вкладывал все силы в тачку.

Тан Юйшу не знал, что делать, чувствуя, что стоит ему снова прикоснуться к Линь Ланю, как те стиснутые зубы разожмутся и вцепятся в него с рыком.

А деревянная тачка была упрямее настоящего буйвола, не двигалась с места, словно состязаясь с Линь Ланом.

Тан Юйшу взглянул вниз и обнаружил причину, по которой тачка не двигалась — оказывается, тормозная палка все еще была в заднем колесе. Пока он робко раздумывал, стоит ли напомнить Линь Ланю, раздался «хруст» — Линь Лан, крепко сжимавший ручку, вместе с ней тяжело упал вперед, а тачка по-прежнему стояла на месте...

Подбежав помочь Линь Ланю встать, он снова был оттолкнут, и только тогда Тан Юйшу осознал:

«Он на меня злится?»

«Наверное...»

«Но... почему злится?»

Чиня деревянную тачку, Тан Юйшу снова и снова задавал себе эти три вопроса.

Но так и не нашел ответа.

Дневной бизнес был неплохим, они вдвоем были заняты до середины часа Шэнь (15:00 до 17:00).

Судя по опыту предыдущих дней, к часу Юй (17:00 – 19:00) начнут постепенно приходить гости на ужин; поэтому уборка посуды, оставшейся от дневных гостей, и подготовка продуктов на ужин сжимались в короткие полчаса.

Обычно в это время Линь Лан вел учет, а он мыл посуду; также по опыту предыдущих дней, сегодня Линь Лан должен был с энтузиазмом просить Тан Юйшу рассказать «истории о войне», и в беседах и смехе незаметно заканчивать работу.

Но сегодня Линь Лан не стал.

Со стороны Линь Лана веяло холодом, пугая Тан Юйшу так, что он даже не смел громко мыть посуду, и он не знал, как себя вести.

К счастью, эта пугающе тихая сцена длилась недолго, во дворе раздался голос А-Цы:

— Брат Юйшу! Вина еще нужно?

Вино для «Тронуть алые губы» поставлялись А-Цы. Тан Юйшу был благодарен, что приход А-Цы наконец разрядил странную атмосферу, и поспешно вытер руки тряпкой, собираясь выйти и поприветствовать А-Цы, но увидел, как Линь Лан широким шагом вышел во двор первым:

— Я здесь!

— Ты? А где брат Юйшу? — А-Цы не хотелось иметь дело с Линь Ланом.

Но Линь Лан настаивал:

— Я!

— ... — А-Цы ненадолго онемев, перевела взгляд через Линь Лана на выражение лица Тан Юйшу «Я тоже не знаю, что с ним сегодня», затем снова перевела взгляд на лицо Линь Лана, полное «упрямства»: — Ладно, сколько кувшинов тебе нужно?

Линь Лан решительно дал ответ:

— Как хочешь!

А-Цы нахмурилась, снова перевела взгляд через Линь Лана и увидела, как Тан Юйшу за его спиной незаметно показал «пять».

— Хорошо, пять кувшинов, — А-Цы кивнула Тан Юйшу.

Одновременно Линь Лан обернулся и бросил сердитый взгляд на Тан Юйшу, который мгновенно выпрямился, делая вид, что ничего не произошло.

Вскоре во дворе раздался звук разбивающихся кувшинов с вином.

И рев А-Цы:

— Да на что ты годен?!

Тан Юйшу выбежал во двор, поспешил сгладить ситуацию и заодно расплатился с А-Цы. А Линь Лан молча вернулся на кухню.

— Что сегодня не так с этим молодым господином?

— Я тоже не знаю! — Тан Юйшу с несчастным видом. — Кажется, на меня злится... но он не скажет мне, даже если я его спрошу.

Проводив А-Цы, Тан Юйшу вернулся на кухню и, войдя, увидел, что Линь Лан с сердитым лицом моет посуду.

Тан Юйшу подошел, немного нервничая:

— Я помою...

Линь Лан холодно:

— Я сам!

Тан Юйшу ничего не оставалось, как сказать:

— Тогда мой... мой...

Едва он договорил, как из рук Линь Лана выскользнула тарелка и разбилась о пол.

Тан Юйшу с несчастным видом:

— Видишь... я же говорил, давай я...

Линь Лан холодно:

— Заткнись!

Тан Юйшу ничего не оставалось, как сказать:

— Ладно, не буду... не буду...

Повернувшись, чтобы найти веник и убрать осколки, он увидел, как Линь Лан протянул руку, чтобы поднять их. Тан Юйшу не успел открыть рот и остановить, как рука Линь Лана порезалась.

Тан Юйшу почувствовал бессилие:

— Как можно руками...

Линь Лан холодно:

— Довольно!

Тан Юйшу ничего не оставалось, как сказать:

— Я был неправ... Я был неправ...

Пока Тан Юйшу искал спирт для перевязки, Линь Лан встал и, рассерженный, подошел к столу для учета, схватил наугад лист бумаги сюаньчжи, вытер кровоточащий палец и, повернувшись, вышел с кухни в свой флигель.

Тан Юйшу стоял на месте, долго думая, но так и не понял, что же случилось с Линь Ланом.

— Что случилось? — Дядя Ван, качая головой, с заботой смотрел на Тан Юйшу. — Ты правда глупый или притворяешься?

— Правда глупый, — ответил Тан Юйшу, а через мгновение почувствовал, что это не совсем так. — ...Нет-нет, я имею в виду, что действительно не знаю, что с ним.

— У Линь Лана тонкая кожа. Подумай, почему он все время опережал тебя, говоря «Я сам!»?

— Почему?

— Чтобы доказать, что сам может многое делать!

— Зачем доказывать?

— Потому что тот гость, А-Цы, даже ты... намеренно или нет, говорили, что он «многого не умеет»!

— ...О, — Тан Юйшу все еще не совсем понял. — Но он же ведет учет. Прошлой ночью я встал по нужде и видел, что у него в комнате свет горит, он сверял счета.

— Кроме учета, он ничего не умеет.

— Мне все равно.

— А если он берет себе половину денег, тебе тоже все равно?

— Конечно, все равно! — Тан Юйшу поспешил защитить Линь Лана перед дядей Ваном. — У него коммерческая смекалка, он видел мир, он еще... в общем, многое умеет; если бы не он, это заведение не открылось бы — дядя Ван, раньше я не знал, как жить дальше. Если бы не появился Линь Лан, я бы просто плыл по течению, разве мог бы сейчас иметь надежду?

— Но Линь Лан не знает твоих мыслей — он боится, что ты, услышав слова других, почувствуешь себя в убытке, почувствуешь, что Линь Лан стал тебе обузой... верно?

— Конечно, нет! — Тан Юйшу покраснел от волнения.

Дядя Ван вдруг повысил голос:

— Понял?

— Что понял? — Тан Юйшу не понял, но через мгновение почувствовал, что эти слова дяди Вана, кажется, были адресованы не ему. Следуя поднятому взгляду дяди Вана, Тан Юйшу обернулся и посмотрел назад и вверх — Линь Лан стоял на высокой крыше и смотрел вниз.

Худая госпожа с соседнего лотка тоже в этот момент увидела Линь Лана и услужливо крикнула:

— Молодой господин Линь!

Линь Лан с бледным лицом с трудом выдавил улыбку в ответ.

Хотя внешне он выглядел спокойным, Тан Юйшу все же разглядел его испуг:

— Зачем ты залез так высоко?

Выслушав весь разговор Тан Юйшу и дяди Вана, Линь Лан, больше не дувшийся, наконец согласился заговорить:

— Колбаса закончилась, я залез отрезать несколько связок...

Тан Юйшу знал, что Линь Лан боится высоты:

— Сказал бы мне, как ты сможешь... — оставшиеся невысказанными жалобные слова автоматически стихли под криком Линь Лана «Тан Юйшу — !»

— Что ты имеешь в виду! — В приступе ярости страх высоты у Линь Лана в значительной степени рассеялся. — Ты снова намекаешь, что я ничего не умею, да?

— Нет-нет! — Тан Юйшу поспешно отрицал.

— Ты явно это имел в ... — Линь Лан не устоял на ногах, ноги подкосились, он потерял равновесие и упал с карниза.

— ... в виду!

Шум на рынке у Усадьбы Бога Богатства мгновенно стих с падением Линь Лана.

Тан Юйшу прыгнул вперед, оттолкнулся от стены, перевернулся, чтобы поймать Линь Лана, но отклонился от траектории его падения на несколько сантиметров, затем сам тяжело упал на землю и несколько раз перекувырнулся.

Линь Лан, уже думавший, что «Воспоминания о Чэньтане» подходят к концу, в отчаянии закрыл глаза, но тяжело упал в — мягкие объятия?

Чудом выживший Линь Лан открыл глаза под возгласами удивления. Подняв взгляд, он увидел лицо с немного пухлыми от юности щеками, но с решительным выражением, не свойственным его возрасту.

— Ах... спасибо, спасибо! — сказал Линь Лан, собираясь выбраться из объятий юноши и проверить, все ли в порядке с Тан Юйшу.

Но обнаружил, что тот, кажется, не собирается отпускать.

«?» — Линь Лан с недоумением снова посмотрел на этого держащего его юношу и в одно мгновение почувствовал, что тот кажется знакомым. — ...Спасибо, братец, можешь сначала отпустить меня?

— О... прости! — юноша послушно поставил Линь Лана на землю.

Тан Юйшу сидел неподалеку на земле и смотрел в эту сторону, казалось, с ним все в порядке; колбаса, которую он с трудом срезал, уже вся перепачкалась. В досаде он указал на недалекого Тан Юйшу:

— Вот твоя ловкость, в критический момент бесполезна!

После пережитого ужаса дядя Ван вытер холодный пот с виска:

— Впредь пусть Юйшу делает, взгляни на себя, какой неуклюжий! Не ушибся?

Линь Лан выпрямил грудь:

— Я тоже могу!

— Упрячься дальше! — отругал дядя Ван, затем обратился к юноше, поймавшему падающего Линь Лана, с бесконечной благодарностью: — За вашу милость я не в силах отплатить!

— Вы слишком любезны... — юноша учтиво поклонился дяде Вану в ответ. Затем отошел, чтобы помочь сидевшему на земле Тан Юйшу.

Тан Юйшу оттолкнул протянутую руку юноши, сам встал, не обращая внимания на Линь Лана, и, прихрамывая, пошел обратно в заведение.

— Что с ним? — Линь Лан, глядя на спину Тан Юйшу, не понимал, и обернулся к юноше: — Эй, а мне кажется, ты... немного знаком?

Дядя Ван кивнул:

— Мне тоже кажется знакомым...

Юноша, казалось, намеренно избегал взгляда дяди Вана, показывая лишь половину лица, взгляд его был устремлен неизвестно куда:

— Я... я из Яньтана, моя фамилия — Чэнь, а имя — Ни.

—

<http://bllate.org/book/12583/1220585>